На 'Охотнике'

Всеволод Витальевич Вишневский

SHOUT
SHARE
IT

- Вишневский Всеволод Витальевич

Вишневский Всеволод Витальевич
На 'Охотнике'

Всеволод Витальевич ВИШНЕВСКИЙ
НА "ОХОТНИКЕ"
Рассказ

День был летний, балтийский, чарующей тишины. Солнца было так много, что в золотистом сиянии исчезали все краски. Хотелось вдыхать солоновато-хвойный воздух всеми порами существа. На катере все было нагретым, раскаленным. Моторы ревели. Когда от переполнения чувств закрывались мои глаза, мир становился огненно-красным. Это солнце просвечивало сквозь веки, почти обжигало.

В ослепительной перспективе проступали темные безжизненные пятна финские шхеры... А на нашем острове была жизнь. С крайнего форпоста, забравшись глубоко на запад, балтийцы бросали вызов врагам. Загорелая, потная морская пехота буквально переворачивала остров, дремавший много веков. С тяжелым шумом, содрогая землю и взметая столбы пыли, падали старые сосны. Топоры впивались в кору и смолистую древесину. Землекопы все та же морская пехота - врывались в землю. Лужайки были покрыты пахучей травой. Цвел дикий шиповник. Маленькое озеро отражало голубую бесконечность, и только временами поверхность озера рябилась то ли от раскатистых морских команд и выкриков, то ли от падения новых деревьев... Так можно было стоять часами: ты будто наяву видел, как строят Санкт-Петербург, крепость Петра и Павла, как строят Кронштадт. Закрой глаза и слушай голоса, шумы, природу, еле уловимое шуршание песка на дюнах, падение шишки, всплеск рыбы, жужжание недвижно парящей золотистой стрекозы, снова глухой удар упавшей вековой сосны, шорох какого-то зверька, крик чайки...

Открой глаза и смотри вновь и вновь на Балтику, если ты русский моряк и способен читать морскую природу. Вот белые облака, сверкающие до блеска, вот голубизна воздуха и вод - цвета родного флага. Смотри не отрываясь в этот необъятный небосвод, и пусть слышен только свист ветра на дозорном катере, разве ты не слышишь музыки над всей Балтикой с палуб незримых прошлых и будущих русских эскадр! И да сопутствует тебе всегда несокрушимое упорство и воля в выполнении твоего морского воинского долга, - ими отличались те, кто вывел Россию на морские пути...

- Три самолета прямо по носу!

Это была на "охотнике" двадцать восьмая тревога за день. Время: пятнадцать ноль-ноль.

Одна из тревог пришлась во время концерта, который давали у новопостроенных пристаней. Разбегаться по щелям? Этак и радости искусства не глотнешь. И все, конечно, остались. Артист пел, видя сотни молодых горячих глаз, впивавшихся в его лицо, глаза, рот. Песнь лилась ликующе... Самолет был над головами людей. Было видно, как оторвались бомбы. Глаза метнулись вверх, прикинули кривую падения, и кто-то осторожно шепнул артисту: "Пойте, мимо пойдут". Слышал ли артист - не знаю, но он пел. Грохнули разрывы, взвилась песня, а потом овации моряков: и за песню и за смелость. Ведь так понятно - ходить в щель, сидеть, теряя неповторимое настроение, собираться вновь - это значит убить встречу, убить песню.

Итак, опять появились самолеты. Три "юнкерса" даже без охранения. На катере изготовились. Командир мельком посмотрел на наводчика. Тот ждал, вжав голову в плечи... Прошлый раз наводчик развернулся как будто неплохо. Дал по "мессершмитту" выстрел, трасса прошла близко, но мимо. Ввел поправку, дал второй выстрел, свалил самолет. Спрашивают: "Как вы попали?" - "Руку набил... Если мне команды ждать, какую поправку вводить, самолет уйдет, курс изменит. Я сам". - "Правильно..."

"Охотник" дал самый полный ход. За кормой бешено билась белая струя. Море было пустынно, видимость хорошая, словом, обыкновенный пейзаж. Не было никаких разговоров. Взгляд - только на самолеты и секунду-две на компас.

"Юнкерсы" были видны отчетливо. Казалось на мгновение, что это опять июнь 1941 года, Таллинский рейд, аэродром и веселый потный Антоненко, сняв старый рыжий шлем, рассказывает, как он из облачка прихватил "юнкерса", когда тот шел на Гельсингфорс.

Вой моторов вверху и внизу слился. Дистанция сокращалась. "Охотник" дал первый выстрел. Трассирующий след потянулся вверх, как казалось, не очень быстро... Еще, еще немного... Что-то резко, ослепительно сверкнуло, на мгновение затмив сияние дня. "Юнкерс" исчез из глаз, на его месте хлестал бомбово-бензинный фейервек.

- На своих бомбах взлетел!

Как-то замедленно, вразнобой падали темные обломки самолета, а на месте взрыва оставался дым. Все это произошло быстрее, чем об этом можно передать.

- Второй горит!

Левый ведомый "юнкерс" накренился и задымил. "Охотник" дал только один выстрел, значит, второй "юнкерс" поврежден подрывом ведущего. Катер продолжал идти. Наводчик, вжав голову в плечи, следил за стремительными изменениями в воздухе. В море шлепались обгорелые, исковерканные обломки первого "юнкерса", и на много метров стали взлетать фонтаны и всплески. Второй "юнкерс" дымил вверху и сползал на крыло. Он засвистел несколько иначе, чем при верной, упругой пикировке, и косо, с огромной быстротой, пошел вниз. Море всплеснулось. Шипение, мгновенный пар, пятна масла, пузыри, воздушно-водяная муть.

- Глядеть за третьим!

Третий "юнкерс", видимо, совершенно оторопев, взмыл почти вертикально вверх. Он торопился. Ему, видимо, казалось, что катер его преследует и тоже лезет вверх.

- Два тела справа по борту!

- Тела подобрать. Глядеть за самолетом!

На катере выполняли разом несколько дел: крюком вылавливали два тела, смотрели за третьим "юнкерсом", смотрели за горизонтом и накоротке сообщали новости мотористам, которые одобрительно кивали головами, поглядывая вверх, будто там могли еще быть следы боя.

Тела двух немцев подобрали... С них текла вода и кровавая грязь. Холодно посмотрели на них, по необходимости проверили, есть ли документы. Их не оказалось. Нашли несколько талисманов.

Крючковой крикнул наводчику, мотнув головой на серые обвислые кучи мяса и костей:

- Посмотришь, что ли!

Наводчик следил за третьим "юнкерсом" и досадливо отмахнулся. Самолет, забравшись очень высоко, сделал разворот и, как с небесного Гауризанкара, стал съезжать вниз - к эстонскому берегу...

- Уйдет?

- Сегодня ему везет.

- Уйдет.

Самолет уходил, и не было никаких возможностей его догнать, повернуть, вообще что-нибудь с ним сделать. Досада и горечь были разлиты по лицу наводчика. Сигнальщик крикнул:

- Три "чайки" на зюйд-весте!

Три блистающих наших истребителя шли от эстонского берега к острову.

- Не видят "юнкерса".

- Уйдет немец.

Тогда наводчик, все время молчавший, внезапно дал выстрел. Трассирующий след побежал над морем. Все следили за трассой, ощущая острейшее нетерпение и напряжение. Хотел рукой, голосом, внутренним криком крикнуть истребителям: "Добейте его!"

Катер шел на зюйд-вест. Истребители сделали вираж. Заметили врага или трассирующий снаряд или это случайный поворот? Все молчали.

- Заметили.

Командир трижды дал в машинное отделение "самый полный". Успеть к месту было немыслимо, там погоня шла на скоростях выше 300 километров в час, но катер должен был быть в борьбе до конца. Этот закон, полагаю, известен.

Ветер несколько усилился. На бак захлестывало, это было приятно. Наводчик не сводил глаз с "юнкерса" и трех наших истребителей. Выражение лица у этого молодого балтийца было сосредоточенное. Руки готовы были дать выстрел, сейчас, впрочем, бесполезный. Все тело было в устремлении вперед. Если б было надо, он кинулся бы в воду, в огонь, чтобы поймать, добить противника.

Истребители сближались с "юнкерсом", подходя к нему сверху. На катере ожидали вспышек, после которых с небес доносится пушечно-пулеметный рокот. Вспышек не было... Почему медлят? В чем дело?.. Каждый молча невольно подсказывал, что опасно затягивать схватку до вражеского берега, где можно нарваться на зенитный огонь и на "мессеров"-охотников... Но что было летчикам до этих советов!

Три белые "чайки" шли эскортом во круг темного "юнкерса". Это было похоже, на погребальную процессию будущего.

"Чайки" не стреляли. Они только чуть снижались, заставляя "юнкерс" делать то же самое. Стрелок-радист на "юнкерсе" был либо в паническом оцепенении, либо убит при взрыве своего ведущего. Ни один выстрел не нарушил всей это картины. Три блистающие белокрылые "чайки" шли хоронить пришельца, шли хоронить его на глазах врагов.

Еще ниже, еще ниже... На катере все молчали... Бег к чужому берегу продолжался.

"Чайки" с удивительным согласием, которое выработано годами летной работы, вели "юнкерс" к месту его погребения.

Наконец брызнули белые полосы воды: "юнкерс" с работающими моторами под углом стал уходить в воду. "Чайки" дошли до бреющего и взмыли вверх.

На катере все перевели дух.

Моторы ревели. Катер пронесся над местом, где был добит

враг, и повернул. Было ощущение покоя и порядка.

Вдали были видны очертания отчаянного острова. Над ним клубилась пыль. Там действовали, строили.

Кронштадт - Ленинград,

1942